

СОТНИК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строим не воюют

Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

Так не строят!

Позиционные игры

Не по чину

Кузнечик

Евгений Красницкий
Геннадий Николаец

СОТНИК

Кузнечик

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 16

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Красницкий, Евгений Сергеевич;
Николаец, Геннадий**

К78 Сотник: Кузнечик: роман / Евгений Красницкий, Геннадий Николаец. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 384 с. (Серия «Сотник»).

ISBN 978-5-17-121724-2

Чего Михаил Ратников никак не мог предвидеть, так это того, что перепуганный мальчонка-христианин из-за болота подложит ему такую свинью. Ну, или наоборот, окажется подарком судьбы — это уж как посмотреть. Впрочем, поначалу никому в крепости и в голову не могло прийти, что за «неведому зверушку» привезли разведчики из лесу.

Промокший, голодный мелкий сирота — что в нём такого? И вообще, эка невидаль — бежавшие из языческих земель христиане, пусть и мастеровые из дальней слободы. Деда задрал кабан, его не расспросишь, мальчишка ещё и до подмастерья не дорос, да и знать ничего не знает — откуда? Ни опасности, ни пользы пока что. Не выгнали из жалости, и на том спасибо.

Потому к Мишке на беседу Тимка так и не попал. Вначале бояричу было просто не до него, а потом — почти сразу — на Ратное напали ляхи, и пришлось Михаилу Ратникову уйти в поход, так и не узнав, что за мина замедленного действия из-за болота осталась у него в крепости. И как она «рванёт» без должного призора. А разгребать всё это досталось старосте Аристарху, что само по себе сулило бояричу дополнительную головную боль после возвращения — отвечать на непростые вопросы и расплетать заковыристые узлы, каковые при Тимкином активном участии непременно заплетутся и в мозгах, и судьбах обитателей крепости.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 842Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий, 2020
© Геннадий Николаец, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-121724-2

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих помощников-ридеров: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Геннадия Николайца, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: deha29ru, Andre, Дачник, BLR, Ульфхеднар, Ротор, leopard, Скиф, Marochka77, Laguna, arh_78, sanjaver, nekto21 и многих, многих других.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неумолимое тиканье часового механизма в mine, установленной под вашим креслом... Змеиное шипение шнура, по которому подбирается огонь к бочке с порохом, и вы, сидя на ней, тревожно прислушиваетесь к этому вкрадчивому голосу смерти... Первые струйки дыма из-под крыши дома, где вас заперли... И боярин Журавль, и его воспитанник Данила, и староста Ратного Аристарх по-разному представили бы ситуацию, что сложилась в Погорынье после похода ратнинцев к соседям, за болото, но сошлись бы в одном — это игра со смертью.

Сотня, а за ней и Младшая стража Мишки Лисовина ушли выгонять ляхов из Туровского княжества, боярин Журавль всё ещё не вернулся из дальнего похода, и сразу же нашлись силы, которые затеяли свою игру. Игру страшную и кровавую, способную разжечь вековую вражду. Зачем? А зачем мелкий воришка, убедившись в своей безнаказанности, поджигает деревню? Чтобы люди, собравшиеся тушить пожар, не мешали ему заниматься делом его жизни — тырить мелочь по карманам, если говорить словами нашего современника.

Но, может, дело не в мелких жуликах, готовых поджечь село, чтоб украсть верёвку, которой привязана к забору коза? Возможно, дело в бабочке Бредбери, что изо всех сил машет своими крылышками, пытаясь уничтожить даже след начинающих в погорыньских болотах событий?

История — упрямая тётка. Самая лживая и упёртая из всех Муз. Она очень неохотно открывает свои тайны, всячески благоволит тем, кто её врёт, и яростно

сопротивляется тем, кто хочет хоть как-то сдвинуть её с места. А ещё История не прощает тех, кто способен её изменить. Она стремится уничтожить их, а потом долго пляшет на их могилах.

Немногим оставшимся в Ратном жителям, по большей части бабам, детишкам да увечным воинам, предстоит выяснить, что же такое пряталось там, за болотом, что они не смогли ни увидеть, ни понять, и за что История сейчас готова обрушиться на них гнев мстительной и донельзя раздосадованной богини. А всего-то в ответ на высокомерно оброненное «Так не бывает!» Муза услышала веселое и дерзкое «Да без проблем! Сделаем!», брошенное непоседливым и неуёмным мальчишкой, которого отроки Младшей стражи нашли на тропинке, ведущей с той стороны болота.

Вряд ли староста Аристарх ожидал выяснить у пацана что-то важное, но порядок есть порядок, потому и уделил время разговору с мальцом. Да и наставник Макар, к которому первому попал Тимка, тоже не слишком много ждал от такого «приобретения». Но в этом-то и проявляется талант руководителя: за простым событием разглядеть мерзкую подляну, которую готовит История, а за ней, в свою очередь, — увидеть Шанс. В том и состоит талант воспитателя: не отмахнуться от щенячьих глупостей, а услышать за ними первые раскаты грома, способного заставить отступить — пусть хотя бы на чуточку! — вцепившуюся в свою версию событий престарелую, но оттого очень злопамятную Музу.

Что до автора... При работе над книгой я часто слышал в адрес моего героя: «Таких не бывает!» Но при этом я всегда вспоминал всех попаданцев — не выдуманных, а тех, кто попал в нашу с вами реаль-

ность, кто сумел бросить в лицо Истории «Да без проблем!» и заставил её утереться. Тех, кто дошел до Берлина, таки поднял ту чёртову целину и спокойно, без пафоса сказал: «Поехали!» Тех, на чьих костях сейчас пляшет эта неутомная стерва Клио.

А ещё автор выражает благодарность всем, кто так или иначе вложил часть души, знаний или работы в моих героев. В первую очередь, Вадиму Надеждину, подарившему мне идею Кузнечика и под присмотром которого я начинал писать первые главы этой книги. Евгению Красницкому, создателю Мира Отрока, одному из самых сильных учителей, кого мне повезло встретить в жизни. Соавторам, а теперь и авторам мира Отрока — Елене Кузнецовой и Ирине Град, которые помогли Тимке занять свое место в Мире. Кхе... Даже из книжных героев мало кто может похвастаться, что у него есть две мамы.

Ещё спасибо ридерам и консультантам, которые помогли вычитать текст и выловить из него множество ошибок — Денису Варюшенкову, Юлии Высоцкой, Сергею Гильдерману, Юрию Гамаюну, Наталье Немцевой, а также коллегам с сайта Евгения Красницкого — Crusader, SH, nekto, Саневетру, Андре, Имиру, Дачнику, Ульфхеднару и многим другим, помогавшим в работе над текстами. Ещё есть ученики Юрка и Лёшка, с которых и был списан мой главный герой. Особенно прикольно было знакомиться с «внучатыми учениками».

Отдельная благодарность Анатолию Спесивцеву, чья поддержка не позволила новичку забросить трудный текст. Спасибо! И от меня, и от самого Кузнечика.

И последнее моё спасибо мальчишке, которого я никогда не встречал, но, тем не менее, его история сильно повлияла на историю моих героев. Саша

Лаврентьев. Маленький поэт, он уже в десять лет писал стихи, до которых расти и расти иным взрослым. В пятнадцать он написал стихотворение, которое я по разрешению и просьбе его матери использую в тексте «Кузнечика». В шестнадцать он умер, потому что одна клиника и одно министерство не успели договориться о том, на каком языке должен быть выставлен счёт за лечение — на русском или украинском. Сопляк? Да. Но таким сопляком может гордиться любой народ. Последняя книга, которую он держал в руках, был «Отрок» Евгения Красницкого. Пусть будет тебе весело в другом мире, Младший, и пусть твой новый Мир будет добр к тебе!

Не суди строго, читатель, и не говори, что таких мальчишек и девчонок нет и быть не может. Эта книга именно о тех Младших, которые часто уходят, так и не успев доказать, что они БЫВАЮТ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отступление 1

*Питер, онкологическая клиника
Весна 20XX года*

— Ну, Максим, пожалуйста, поговори с кем нужно, мы ведь заплатим сколько надо, любые деньги. Ну, не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать. Сейчас всё могут, если захотят!

Максим Леонидович устало снял очки, высмотрел на них несуществующее пятнышко, достал из кармана специально припасённую салфетку и начал задумчиво тереть стёкла. Идеально чистые линзы скрипели, возмущались, но никак не хотели становиться хоть на йоту прозрачнее.

— Ну, что ты молчишь! Скажи хоть что-нибудь! Сделают они ему операцию или нет? Это же твой племянник, в конце концов. Единственный племянник, других не будет... — Скомканный платок в судорожно сжатых пальцах прижался к губам.

Профессор, ещё раз оценив свои усилия, надел очки, беспомощно взглянул на мужчину, застывшего в соседнем кресле, и тяжело вздохнул, понимая, что

сейчас скажет своей собеседнице то, что она сама знает, но боится услышать именно от него.

— Они сделают операцию, Тома. Они её уже назначили. Они сделают её лучше, чем кто-либо. Это не те люди, которые хоть что-то делают плохо. Они сделают всё, что можно, и неважно, заплатите вы им «сколько надо» или нет. Их совесть будет чиста.

Максим Леонидович снял очки, сложил, попытался засунуть в нагрудный карман явно чужого халата, промахнулся и начал вертеть их в руках, нещадно марая сверкающие линзы.

— Это саркома, Том, — профессор наконец решился посмотреть в глаза сестре. — Она убивает очень быстро. Они вчера хоронили девчущку... Шесть лет. Ещё неделю назад хвасталась, что будет жить целых три года после операции.

Сдавленный всхлип Тамары, прорвавшийся через платок, заставил учёного опустить голову.

— Совсем ничего нельзя сделать? — коротко, с чуть заметным восточным акцентом, спросил мужчина.

— Видишь ли, Айрат, — профессор опять надел очки, на этот раз абсолютно не озаботившись их чистотой, — ничего нельзя было сделать уже тогда, когда вы передали результаты анализов. А обследование всё только подтвердило.

— Сколько?

— Полгода.

Айрат чуточку прищурил глаза, став очень похожим на своего отца, каким его запомнил профессор. Старый башкир, категорически отказывавшийся переезжать в город, к детям, казалось, не имел определённого возраста, и Максим Леонидович был уверен, что Айрат, чуток погодя, станет точной ко-

пией Деда, как называли старого кузнеца в поселке все, включая его собственных детей.

— А Димка всю весну носился, чтоб через полгода на свой фестиваль поехать.

Проф неожиданно заинтересовался.

— Кузнецы?

— Реконструкторы, — Айрат невесело усмехнулся. — Но оружие он сам делает. Хорошо делает.

— Ты учил? — Максим Леонидович опять снял очки и с интересом посмотрел на зятя.

— Ковать? — Айрат расслабился в кресле впервые за время разговора. — Ковать учил Дед. Я учил по клинку резать. Умеет.

— Хм... А что ещё умеет?

Айрат прищурился. Знали они друг друга давно, ещё мальчишками. Жилистый и крепкий башкир взял во дворе негласное шефство над нескладным очкариком, когда узнал, что тот является братом красавицы Тамары — предметом воздыханий всего микрорайона. Потом летом они вместе ездили в деревню к деду Айрата. И если старший из мальчишек вовсю лупил молотком по раскалённым железякам, постигая наследственное мастерство, то Максим доводил деда до белого каления бесчисленными вопросами: а как? а почему? а зачем?

Потом был институт, который ему вряд ли удалось бы окончить без поддержки уже поженившихся Айрата и Тамары. Айрат стал молодым, но талантливым мастером по клинкам и, подрабатывая ковкой, гравировкой, а когда и ювелиркой, более или менее прочно стоял на ногах. Сестра серьёзно занялась текстилем и, отказавшись работать на фабрике, устроилась в художественно-реставрационную мастерскую. Племянник Димка родился, когда

будущий профессор поступил в аспирантуру, а после неё молодого кандидата наук привлекли к одному очень перспективному проекту... о котором лучше не спрашивать. И когда наступили лихие девяностые, семья стояла очень крепко, в основном благодаря привитой ещё с детских лет взаимопомощи.

Максим Леонидович в долгу перед родичами не остался. Начав вращаться в кругах, гордо именующих себя интеллектуальной элитой, он познакомил зятя с очень состоятельными ценителями уральского оружия. Потому что если вы не ценитель, то вам трудно понять, почему за работу мастера, известного только узкому кругу эстетов, дают деньги, на которые вполне можно купить двухкомнатную квартиру. Сестрёнка, с подачи уже доктора непонятно каких наук (табу на разговоры о своей работе Максим установил жесточайшее), поступила на курсы каких-то ткацких искусств и, окончив их, создала свою собственную мастерскую. Профессор постоянно удивлялся, зачем он потратил свою жизнь непонятно на что, если за квадратный метр ткани можно жить полгода. Скорее всего, митрополит дешевле покупать отказывался. Не по чину.

Жена профессора умерла рано, так и не сумев родить, новую семью он не завёл, и племянник Димка остался единственным ребёнком во всём семействе. Вот только сейчас диагноз — саркома. И сделать больше ничего нельзя, ни за какие деньги.

Тамара растерянно смотрела на беседу мужчин, как ни в чём не бывало обсуждавших таланты единственного наследника семейства, и отказывалась понимать, как они могут говорить о приговоренном врачами ребёнке, как будто у него впереди долгое и счастливое будущее. О её смертельно больном ребёнке!

— Да как... как вы можете... Какая механика? Он же умрёт, умрёт через несколько месяцев! Ну, какая разница, знает он башкирский или нет? — наконец не выдержала она.

Айрат откинулся в кресле, устраиваясь поудобней, изобразил свой фирменный прищур и произнес:

— Не суетись, подруга. У профа есть мысль, он её не говорит, но он её думает. Но когда это Максим нам что-то вот так прямо рассказывал? Это ведь по работе? — Айрат остро глянул на профессора, а потом, жёстко ухмыльнувшись, вспомнил фразу из далекого детства: — Не мешай очкарику. Он решит задачку и даст нам списать. Ведь правда?

ГЛАВА 1 Найдёныш

Болото на границе Ратного и земель Журавля.

Михайловская крепость

Нагало сентября 1125 года

— **Д**а отпусти ты ветку, вот же ж дурной! Чего ты за неё уцепился-то, и не оторвёшь. Слазь, говорю! — рыжий Федька пытался сдёрнуть с дерева брыкающегося изо всех сил худого, промокшего мальчишку лет двенадцати. — Да не брыкайся ты так, всё уже, подход он. Уй-й!..

Прицельный удар пяткой аккурат в лоб заставил Федьку отпустить мальчонку и отскочить на безопасное расстояние.